

Подснежники его надежд

— ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ —

ИЗ БОЛЬШОГО окна мастерской живописца хорошо видна вокзальная площадь. Мелькают машины, мигают светофоры, люди спешат... И часы на башне Киевского вокзала отсчитывают сороковой год мирной жизни страны.

А в распахнутой папке, снятой со стеллажа, лежит рисунок: по дороге, где валяется разбитая техника, идут, беседуя, два солдата с этюдниками в руках. Два фронтовых художника.

Борис Михайлович Неменский вспоминает: «Несколько дней я двигался к передовой, которая была не так уж далеко, от Москвы. Шел декабрь 1942 года, фронт проходил у Холма, у Великих Лук, я был в знаменитой Панфиловской дивизии»...

Это была первая фронтовая командировка Неменского, а ей предшествовали годы учебы в художественном училище, призыв в армию и направление в студию имени М. Б. Грекова. В годы войны она находилась под Москвой, в Монине, и каждый студийец стремился скорее попасть на фронт, на передовую, на свое рабочее место военного художника.

«У каждого человека в жизни бывает свой университет. Великие Луки стали для меня первым семестром моего университета, моей школой жизни и искусства».

С каждой фронтовой поездкой я начинал все больше и больше понимать жизнь, людей, себя».

На фронте юного Бориса Неменского поначалу увлекала событийность: затаенность перед атакой, скоротечность боя, рукопашная схватка с врагом. Казалось, чем ярче, необычнее графическое и живописное повествование, тем оно значительнее, достовернее в своей документальности. Позднее художника все больше стал занимать духовный мир солдат — мирных советских людей, надевших гимнастерки, чтобы решать судьбу нашей Победы. Он все пристальнее вглядывается в лица однополчан — усталые, суровые, задумчивые, со следами потерь, неутоленной мести, тревожной надежды... И за их немым выражением подвижничества, а то и тягостный труд войны предстает неумолимое движение к жизни мирной с ее пусть и нелегкими, но добрыми помыслами и заботами.

Вместе с солдатами путь художника лежал через пашни, превращенные в пустыри, обугленные города и села на русской, украинской, польской земле. В апреле 1945-го военная судьба привела его на подступы к Берлину. От Одера он дошел сюда вместе с наступающими войсками армии В. И. Чуйкова. О чем думал, что замечал для себя в те дни человек, мысль и сердце которого мужали на переднем крае, но по счету возраста лишь вступающий в свою молодость? Обратимся к берлинскому дневнику Бориса Неменского, его записным книжкам, в которых время местами стерло карандашные записи.

«21 апреля. Догнали часть еще вчера. Кругом сильная артиллерийская стрельба. Говорить нужно громко...»

Поток наших войск втягивается на окраины Берлина. Даже пять верблюдов, обвешанных гитлеровскими орденами, чинно шествуют среди колонны, дойдя сюда из Сталинграда».

«29 апреля. Только расположилась рисовать — налет. Бомбочки бросают небольшие. В наш дом попало, но свесло лишь два этажа. Вообще в том, что над Берлином летают немецкие самолеты, нет ничего удивительного, но по ним из Берлина бьют русские зенитки — факт исторический».

«9 мая. Войне капут! Ура! Сегодня писать некогда».

Конечно, берлинский дневник содержит не только записи, но и десятки этюдов, рисунков, запечатлевших с натурой штурм города и поверженную столицу рейха. Здесь завершён последний семестр фронтовых университетов Неменского. Юный солдат-художник состоялся как дополнительный свидетель и полноправный участник Победы.

На часах уже накапывалось мирное время. Но Борис Неменский не снимает солдатской шинели, продолжает ра-

боту в студии. Вместе с другими грековцами поступает в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова: рожденное в боях мастерство нуждается в высшем профессиональном образовании. И признание вскоре приходит к нему — в 1951 году художник удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Впрочем, не рано ли? Ведь успех нередко вредил судьбам куда более зрелых художников. Они начинали повторять однажды найденную формулу удачи, не замечая, что изготавливают лишь бесчисленные клише с давно пережитых событий. Но Неменский продолжал поиск. Он остался верен солдатскому долгу, фронтовому братству, которым всегда присущи скромность, сосредоточенность чувств, естественное неприятие как шаблонов, так и вычурности, рисовки.

Путь этот, однако, порой сулит немало трудностей. Правда искусство рождается умением наполнить прозаические подробности ратного ли свершения, мирного труда, людские ли лица — то яркие, то будничные — духовным опытом и художника, и его героев, и поколения, от имени которого говорит зреющий мастер. Вот тут и скрывается опасность, что зритель, даже искусственный, не всегда оказывается готов к восприятию художественного замысла и его исполнения, если не способен шагнуть за пределы традиционных представлений. Полагаю, именно поэтому долгое время каждая новая большая работа Неменского вызвала разноречивые, а то и острые споры. Порой нужно было обладать поистине солдатским мужеством, чтобы не кланяться под огнем произвольных критических оценок.

Позже художник отчетливо определил занимаемые им позиции как гражданственную лирику. Он избрал школу творчества, где искренность чувств восходит к отточенной и афористичной мысли и сливается с ней.

...В пронизанном весенним заморозком рассветном лесу спят на привале бойцы. Спокойно откинута усталая, тяжелая ладонь пожилого солдата. Вот уж поистине ратный труженик. А его молодой товарищ, очнувшись от сна, счастливо вслушивается в надвигающийся день. Так только в детстве слушать можно. Его разбудил шорох пробивающихся из земли подснежников. Да и сам он сродни подснежнику — юноша-солдат, почти мальчик, заря жизни которого только занимается. Впереди бои. Но картина «Дыхание весны» наполнена властным ожиданием грядущего мирного мая.

И... грянули споры. Примечательно: на защиту художника от скороспелых суждений иных «знатоков» стал массовый неискусственный зритель. Тот самый, который искал и бесповоротно отстаивал потом правду искусства — и в фильме «Летят журавли», и в жесткой прозе В. Быкова, и в щемящей чистоте песен Б. Окуджавы.

Неменский вынашивает все новые замыслы. Его лирика обретает черты поэтической публицистики в полотнах «Земля опаленная», «Безымянная высота», «Солдаты», «Здесь твой сын»... Живопись становится более суровой, сдержанной. Художник все зорче, требовательнее вглядывается в лица людей, особенно молодых, идущих на смену его поколению. Способны ли они овладеть наследием живых и павших отцов и старших братьев? Как им распорядятся?

Если человека заботит связь времен, он становится учителем, наставником, педагогом. Не избежал этой счастливой участи и Борис Михайлович. Более четверти века его мастерская — на художественном факультете ВГИКа. Его ученики пользуются признанием в разных республиках, краях и городах страны.

Но ведь каждый из них, независимо от предстоящих удач или поражений, так неожидан, отличен от других. Свои педагогические размышления, сомнения и провидения Неменский сумел запечатлеть точным и выразительным языком кисти. Семь лет назад он со-

здал коллективный портрет студентов очередного своего курса — пятнадцатый полотно, названных им «Поколение».

Характеристики пристрастны и исчерпывающи. Но главное — в общности вывода: поколение молодых сплочено ответственностью идеалов, интеллектуальной углубленностью, ответственностью перед обществом и профессией.

Но все-то ему мало, неумолимо солдату, с юности привыкшему разделять заботы социалистического Отечества. Его кисти равно послушны и размышления над прошлым, и проникновение в судьбы людей, и нежная потаенность русского пейзажа. Однако же время не поспешило на новый вопрос: за кем шагнут, кого изберут в духовные советчики нынешние дети и подростки? Кино, телевидение, радио, печатать рано приобщают их сегодня к заповедным кладовым знаний и культуры. Но как рядом с откровениями таланта и мастерства их занимают расхожие поделки подмастерьев. А в неприязнательности и даже уродстве скрыта порой лукавая притягательность доступности.

Вопрос непростой, хотя ответ на него, казалось бы, дан давно: писать для детей нужно, как для взрослых, только еще лучше. Так почему же новые ответы на него стали искать опытные мастера советской культуры: С. Герасимов, Д. Кабалевский, Б. Неменский?

Дело, по-видимому, в том, что зрелость общества достигла порога, когда художнику слова, звука, кисти недостаточно лишь работать «на детей»; важнее двигаться вместе с ними к ожидающим их высотам гражданской ответственности, нравственности, морали. Пришла пора преодолеть школярское отношение к искусству как очередному, да, впрочем, и необходимому по сравнению с алгеброй или физикой уроку. Но чтобы подростки могли заглянуть в его глубины, им должен стать внятен язык поэзии, музыки, живописи. Не избранным, посвященным, а каждому. В этом смысле педагогики эстетического воспитания Неменского. Не поучать, а непременно вместе с ребенком и подростком искать и находить истоки русской и советской культуры, ее гуманизма, стойкости и отрешенности от мелких эгоистических соображений в неубратимом постижении человечности.

Сколько было скептиков даже среди коллег, считавших, что художник попусту тратит время, необходимое для творчества. Но поддержкой художнику стали учителя-энтузиасты, горячо разделявшие его педагогические идеи. Программа эстетического воспитания Союза художников СССР, разработанная совместно с АПН СССР, успешно прошла испытание практикой во многих школах Москвы, Ленинграда, Магнитогорска, Ташкента, Хабаровска, Тбилиси и других городов страны. Предмет «Изобразительное искусство и художественный труд» полноправно входит в учебные расписания. Как июльская радуга, светят гармонией и свежестью красок в мастерской художника детские работы, присланные из разных краев нашей страны.

Правоту воззрений секретаря правления Союза художников СССР, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР закрепили документы о школьной реформе, наметившие действенную программу эстетического воспитания подрастающего поколения.

...Завершена очередная картина «Память Смоленской земли», посвященная сорокалетию Победы. Художник напоминает зрителю: не забывай, что усилия памяти, равно как и труд совести, не становятся легче оттого, что обращены на служение будущему. Тому, различному уже завтрашнему дню, где человечеству светят подснежники мирных надежд.

Они уже восходят, согреты теплом его наруженных полсолдатски рук. В судьбе учеников. В миг потрясения, открывающего юному сердцу мир прекрасного.

Ю. ОСМОЛОВСКИЙ,
Искусствовед,
г. Москва.